

Державной поступи строка

О новой книге сибирского поэта

В наше непростое, но великое время возвращения Крыма, когда многие потенциальные враги России вышли из тени на свет, надо России сосредоточиться и задуматься над глубинами русских смыслов. Кто мы и что мы в этом полном противоречий мире? Как нам сохранить нашу российскую разнообразную неповторимость? Все эти русские смыслы сокрыты в русском Слове, потому и осмысливать их предстоит писателям.

В руках у меня замечательный подарок — книга известного всей читающей России сибирского поэта Владимира Скифа «Где русские смыслы сошлись». Наши «скифско-славянские» смыслы щедро рассыпаны в этом сборнике: в лирических стихотворениях, поэме «Месяцеслов», цикле стихов о Лермонтове и стихов о Николае Клюеве... И конечно, в стихотворениях патриотической тематики. Ведь о чём бы ни говорил русский поэт Скиф: о природе, о любви, о гениях русской литературы — речь он ведёт о России и только о ней. В этом главный смысл книги.

Сбились в стаю мои перелетные птицы,
Покидают прозрачную тихую Русь.
Только чечеты, галки, клесты и синицы
Над землёю разносят осеннюю грусть

Только чечеты, галки, клесты и синицы
Запекаются в утро румяной зарёй.
Я к рябине приду, чтобы с нею проститься.
Светом душу промыть над рекой Ангарой.

А рябина красна. Небосвод аж багритесь
От рябиновых ягод — от горьких огней
Вьются чечеты, галки, клесты и синицы
Над печальной и гордой рябиной моей...

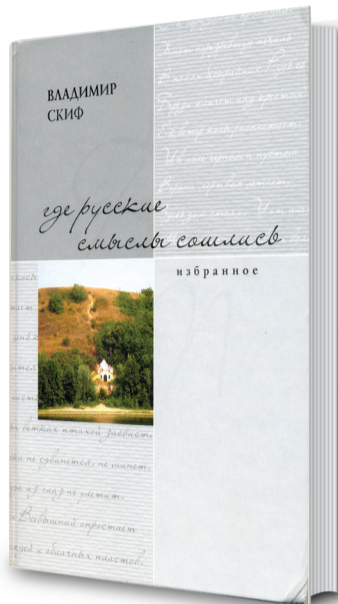
Вот и в этом стихотворении так наглядна мысль, что рябина является рябиной лишь отчасти, она — олицетворение России, главной любви поэта. Чем не рябина Россия — соборная и хлебосольная, собирающая под своей щедрой сенью самых разных птиц, как представителей самых разных народов? И это нас, соборных и радушных от природы, наши заокеанские «кураторы», уничтожители и «цивилизаторы» многих народов, будут учить

национальной терпимости? Да под русским рябиновым кровом мирно сосуществуют птицы и народы самого разного полёта? Потому и состоялась российская держава, что была щедрой, добра и открыта всем ветрам и птицам, как та рябина, собирая под своей сенью и ветра, и птиц.

Порой поэты, не ощущая ответного отклика, думают, что кричат в пустоту, но это не так. Сосредотачивающаяся Россия внимает им, есть оно — эхо народное, а потому успех «безнадёжному делу» обеспечен. Это показала и судьба гениального Юрия Кузнецова, написавшего в юности: «Мы сегодня покажем, как пьют / За успех безнадёжного дела...». Дело оказалось не безнадёжным, если автор этих философских строк многие годы лихолетья был удерживающим в русской поэзии, наряду с другими русскими авторами-державниками, такими, как Владимир Скиф, упорно осуществляющими своё литературное служение на огромных пространствах России.

От публикации первой подборки стихов 20-летнего поэта Владимира Скифа (в то время Владимира Смирнова) в «толстом» журнале «Дальний Восток» в 1965 году, прошли многие десятилетия напряжённой плодотворной работы в литературе. Начавший писать и печататься в юные годы в тулунской городской газете, он проложил свой жизненный и творческий путь через службу в армии. Далее — через филологический факультет Иркутского государственного университета, литературный клуб «Парус» Иркутского авиазавода. Потом была первая книга стихотворений «Зимняя мозаика», за которой последовало множество других сборников и публикаций.

Важно, что автор хранит в душе воспоминание детства, из которого и питается настоящая поэзия. Сегодня мы имеем в лице Владимира Петровича одного из самых

последовательных поэтов-патриотов, духовных собирателей России. А между тем в поэзию он пошёл, можно сказать, случайно, за компанию с другом детства. Талант друга так поразили воображение будущего поэта Скифа, что он тоже решился на пробу пера. Потом был ещё один друг, писавший стихи... А потом — победа на конкурсе поэтов Тихоокеанского флота, где служил Скиф. И с тех пор, не взирая на политические метания власти Владимир Скиф твердо гнёт в своём творчестве русскую линию. Он всегда с Россией. И когда России хорошо, но особенно, когда Родине плохо. А плохо бывает, к сожалению, чаще.

Скиф — поэт, владеющий разными жанрами литературы, как воин, умеющий управляться с самым разным оружием. В его попутном к основному, поэтическому, послужном творческом списке стихи для детей, пародии, публицистика.

Где былинки и корни
Поле сочное ткут,
Где поджарые кони
Тёмный космос толкут.

Где становятся звёзды
У избы на постой,
Там я пил чистый воздух
Русской дали святой...

Наша русская даль — чистая и звёздная — вся отражена в разножанровом творчестве Владимира Скифа — публициста, детского писателя, лирика... Но в первую и главную очередь — поэта-патриота.

Эдуард АНАШКИН

Триединство советского инженера

О книге Алексея Яшина «Зато мы делаем ракеты: воспоминание о будущем»

Мне посчастливилось встретить за свою жизнь уже второго учёного из Международной академии Тринитаризма (система знаний о триединстве). Первый — мой сокурсник Александр Дринков пришёл ко мне в 1990 году в «Литературную газету» за помощью, в попытке возмутить спокойствие физиков пространственной моделью усовершенствованной им таблицы Менделеева.

Второй академик Тринитаризма — писатель Алексей Яшин — главный редактор журнала «Приокские зори». Он прислал недавно для рецензии свою книгу «Зато мы делаем ракеты: воспоминание о будущем».

Интересно, как разнится язык писателя и язык учёного в тексте об одной и той же теме. В аннотации книги скромно написано: «своеобразный, самобытный язык автора». Но автор с высокообразованным чувством иронии мог придумать свой язык пациентов из палаты № 306, наподобие чеховской «Палаты номер шесть», или как, например, Свифт для великого сумасшедшего рыцаря Дон Кихота, или как Михаил Зощенко для совдеповского мещанства, или как Платонов, покоривший меня уже одним названием рассказа — «Мусорный ветер» — дремучий, непробиваемый сознание язык первобытных партийцев «Чевенгура». Неправильно это явление называют Эзоповым языком.

Приведу для сравнения по явлению из Платонова и Яшина.

Из романа Яшина: «Девочки и молодые замужние женщины до тридцати, но с крепкими бюстами, снимали даже лифчики. Мужчины, в свою очередь, волновали нестарых замужних женщин волосатостью рук и торсов под полузастёгнутыми халатами».

Из романа «Чевенгур» Платонова: «Пиюся заиграл марш, где чувствовалось полковое движение: песен одиночества и вальсы он не уважал и совестился их играть. Дванову досталось первым целовать всех женщин: при поцелуях он открывал рот и зажимал губы каждой женщины меж своими губами с жадностью нежности, а левой рукой он слегка обнимал очередную женщину, чтобы она стояла устойчиво и не отклонилась от него, пока Дванов не перестанет касаться её».

Язык всего романа «Чевенгур» не каждый читатель, наверное, мог осилить до конца. А у Яшина роман — седьмой по счёту с «рассказами Николая Андреевича». Яшин, конечно, монументалист. Статья о нём в интернет-энциклопедии трещит от количества научных и художественных произведений. У Платонова «Чевенгур» только один. Даже у Зощенко — небольшой объём рассказов языком быдла.

Порой Яшину приходится неестественно часто вставлять слово «инженер». Роман широко иллюстрирован фотографиями быта инженерной среды. Это не ради ретро, это скрепы содержания. Но и здесь приходилось исхитряться в подрисованных подписях. Например, такой текст: «Инженеры 70-х... Любительское фото. Вчера они

получили дипломы лауреатов премии Комсомола за "изделие", а сегодня посланы на бетономешалку». Чувствуется: вчера — премию, а сегодня...

Вспоминается анекдот того времени:

Два жулика ночью схватили прохожего.

— Снимай пальто!

— Отпустите. Мне больше не купить пальто, — взмолился мужчина. — Я получаю всего сто рублей.

— А кем ты работаешь? — спросил один жулик.

— Инженером, — плачет мужчина.

— Ванька, дай этому инженеру сто рублей и отпусти, — засмеялся жулик.

Вот этим романом Алексей Яшин и открывает, что представлял из себя инженер страны того времени. Я тоже получал, по первому образованию, 100 рублей. Инженеры могли ответить в защиту от унижения ходячей фразой: «Зато мы делали ракеты».

Конечно, в памяти, помимо ракет, были и ГУЛАГи. Как о них не написать! Но как о них писать с иронией, когда в то время можно было за неосторожные слова получить срок. Вот как пишет Алексей Яшин.

Он использует небольшие послабления, которые были у самих работников КГБ, и то с осуждением: «Овцовский воскликнул: "Что бы там ни сочинил Солженицын, которого закордонные "голоса" изо дня в день читают, но культурно-воспитательная работа в лагерях велась серьёзно, что видно даже из инвентарного номера: только на букву "Н" авторов за тысячу томов». Даже в этом тексте удаётся сказать о тысячах политзаключённых (если включить другие буквы).

Ещё одна характерная черта автора, о которой я не могу не сказать. Алексей Яшин педантичен во всем. В литературе это подтверждается отметкой правоулыном каждого абзаца. Раньше отмечали цифрами. А если бы не держал всё в строгом порядке, не написал бы столько произведений.

Борис РЯБУХИН